

Генри Киссинджер

«Новое лицо дипломатии: Вильсон и Версальский договор»

(Отрывок)

Первая мировая война началась, как типичная кабинетная война, с нотами, передаваемыми от посольства к посольству, с телеграммами, направляемыми суверенными монархами друг другу на всех решающих этапах пути к реальным схваткам. Но как только война была объявлена, улицы европейских столиц были запружены ликующей толпой, и конфликт из чисто канцелярского превратился в борьбу масс. И по прошествии двух лет войны каждая из сторон стала выдвигать условия, несовместимые с каким бы то ни было понятием о равновесии сил.

[...]

И прежде чем стал до конца очевиден масштаб опустошительного конфликта, в значительной степени спровоцированного каждым из его участников, на арене появился новый игрок, положивший раз и навсегда конец «европейскому концерту». Среди руин и крушения иллюзий в результате кровавой бойни, продолжавшейся уже три года, на международную арену выступила Америка, неся с собой уверенность, мощь и идеализм, немыслимые для ее изнуренных европейских союзников.

Вступление Америки в войну сделало тотальную победу технически возможной, но цели ее мало соответствовали тому мировому порядку, который Европа знала в течение трех столетий и ради которого предположительно вступила в войну. Америка с презрением отвергала концепцию равновесия сил и считала практическое применение принципов «Realpolitik» аморальным. Американскими критериями международного порядка являлись демократия, коллективная безопасность и самоопределение — прежде ни один из этих принципов не лежал в основе европейского урегулирования.

Для американцев диссонанс между их собственной философией и европейским мышлением подчеркивал достоинства их убеждений. Провозглашая радикальный отход от заповедей Старого Света и накопленного Европой опыта, Вильсон выдвинул идею такого мирового порядка, которая отталкивалась бы от американской веры в доброго, в общем и целом, от природы человека и в изначальную мировую гармонию. Отсюда следовало, что демократические нации по самой своей природе миролюбивы; народ же, обретший возможность самоопределения, не будет более иметь причины прибегать к войне или угнетать других. И как только все народы мира вкусят благословенного мира и демократии, они, безусловно, встанут все, как один, на защиту своих завоеваний.

Европейские лидеры не мыслили подобными категориями, и у них неоткуда было

взяться такого рода взглядам. Ни внутреннее устройство у них в странах, ни международный порядок не базировались на политических теориях, основывающихся на постулате, что человек будто бы от природы добр. Расчет скорее делался на то, что выходящий на первый план человеческий эгоизм можно направить на служение высшему благу. И основополагающей предпосылкой европейской дипломатии было не изначальное миролюбие отдельных государств, а склонность их к войне, и надо было либо этому противостоять, либо это сбалансировать. Союзы заключались ради достижения конкретных, поддающихся определению целей, а не ради абстрактной защиты мира.

Вильсоновские доктрины самоопределения и коллективной безопасности создали для европейских дипломатов совершенно незнакомую ситуацию. Любое европейское урегулирование исходило из той предпосылки, что можно изменять границы ради достижения равновесия сил, которому при всех обстоятельствах отдается преимущество перед волей затронутого конфликтом населения. Так Питт представлял себе «большие массы», способные сдерживать Францию по окончании наполеоновских войн.

К примеру, на протяжении всего XIX века Великобритания и Австрия сопротивлялись распаду Османской империи, поскольку полагали, что возникновение в результате этого более мелких государств подорвет мировой порядок — неопытность более мелких наций значительно увеличит возможности прорыва на поверхность подспудного этнического соперничества, а относительная их слабость побудит великие державы вторгнуться на эти территории. По мнению Великобритании и Австрии, мелким государствам следовало подчинить собственные национальные амбиции всеохватывающим интересам мира. Во имя сохранения равновесия Франции было отказано в приобретении франкоговорящей валлонской части Бельгии, а Германии не дали объединиться с Австрией (хотя у Бисмарка были собственные причины, исключавшие объединение с Австрией).

Вильсон в корне отвергал подобный подход, и с тех пор Соединенные Штаты всегда этому следовали. С точки зрения Америки, не самоопределение влечет за собой войны, а то положение, когда его нет; не отсутствие равновесия сил порождает нестабильность, а стремление к его достижению. Вильсон предлагал сделать фундаментом мира принцип коллективной безопасности. Исходя из этого принципа для безопасности в мире требуется не защита национальных интересов, а признание сохранения мира в качестве правовой концепции. Определение того, был ли на деле нарушен мир, должно быть вменено в обязанность создаваемому в этих целях международному учреждению, которое Вильсон определил как Лигу наций.

Как это ни странно, но идея создания такой организации всплыла на поверхность именно в Лондоне, до той поры бастионе дипломатии равновесия сил. И мотивом послужила

не попытка создания нового мирового порядка, но поиск Англией причин вовлечения Америки в войну для защиты старого порядка. В сентябре 1915 года, решительно порывая с английской практикой, министр иностранных дел Грей направляет доверенному лицу президента Вильсона полковнику Хаузу предложение, которое, как ему представлялось, американский президент-идеалист не сможет отвергнуть.

В какой степени, спрашивал Грей, президент может быть заинтересован в Лиге наций, целью которой будет обеспечение разоружения и мирное урегулирование споров? «Не выступит ли президент с предложением о необходимости существования Лиги наций, которая была бы обязана противостоять любой державе, нарушившей договор... или если в случае спора эта держава отказывается от любого другого метода урегулирования, кроме войны?»

Невероятно, чтобы Великобритания, в течение двухсот лет воздерживавшаяся от вступления в союзы, не ставящие перед собой конкретных задач, вдруг возлюбила такого рода ничем не ограниченные обязательства в глобальном масштабе. Но решимость Великобритании противодействовать непосредственной угрозе со стороны Германии была так велика, что ее министр иностранных дел позволил себе выдвинуть доктрину коллективной безопасности, влекущую за собой принятие самых неограниченных обязательств. Каждый член предложенной им всемирной организации должен был бы взять на себя обязательство противостоять агрессии где бы то ни было и чьей бы то ни было и наказывать нации, отвергающие мирное урегулирование споров.

Грей знал, с кем он имеет дело. Со времен юности Вильсон верил в то, что американские федеральные институты должны послужить моделью будущего «человеческого парламента»; еще в первые годы своего президентства он уже прорабатывал возможности заключения «Панамериканского пакта», охватывающего все Западное полушарие. И потому Грей не удивился, хотя, конечно, был весьма обрадован, получив быстрый ответ, соответствовавший в ретроспективном плане его довольно прозрачному намеку.

[...] Так что когда в мае 1916 года Вильсон впервые выступил с планом создания всемирной организации, он был, без сомнения, убежден в том, что эта идея — его собственная. И в какой-то мере это было так, поскольку Грей выдвинул ее, будучи целиком и полностью уверен, что Вильсону свойственны именно такие убеждения.

Независимо от того, кто непосредственно это придумал, Лига наций была квинтэссенцией американской внешнеполитической концепции. То, чего хотел Вильсон, должно было представлять собой «универсальную ассоциацию наций для поддержания ничем не нарушаемой безопасности морских путей, для всеобщего и ничем не ограниченного их использования всеми нациями мира и для предотвращения каких бы то ни было войн,

начатых либо в нарушение договорных обязательств, либо без предупреждения, при полном подчинении всех рассматриваемых вопросов мировому общественному мнению, — что является действенной гарантией территориальной целостности и политической независимости».

Первоначально, однако, Вильсон воздерживался от предложения американского участия в этой «универсальной ассоциации». Наконец в январе 1917 года он совершил прыжок и стал защищать американское членство, опираясь при этом, как это ни удивительно, на «доктрину Монро»: «Я предлагаю, чтобы все нации единодушно приняли доктрину президента Монро в качестве доктрины для всего мира: ни одна нация не должна стремиться к распространению собственной политической власти ни на одну иную нацию или народ... все нации должны с этого момента избегать вступления в союзы, которые вовлекли бы их в состязания могуществ...»

Мексика, должно быть, с изумлением бы узнала, что президент страны, отторгнувшей треть ее территории в XIX веке и направлявшей свои войска в Мексику в прошлом году, теперь представляет «доктрину Монро» как гарантию территориальной целостности братских наций и классический пример международного сотрудничества.

Вильсон при всем идеализме, однако, вовсе не уповал на то, что его точка зрения победит в Европе сама собой, только вследствие заложенных в ней достоинств. Он выказал себя вполне готовым подкрепить аргументы нажимом. Вскоре после вступления Америки в войну в апреле 1917 года он писал полковнику Хаузу: «Когда война окончится, мы сможем принудить их мыслить по-нашему, ибо к этому моменту они, не говоря уже обо всем прочем, будут в финансовом отношении у нас в руках». В тот момент некоторые из союзных держав не торопились высказываться по поводу идеи Вильсона. И дело было не только в том, что они были не готовы одобрить взгляды, до такой степени расходившиеся с их собственными, но и в том, что они слишком нуждались в Америке, чтобы высказать свои несогласия открыто.

В конце октября 1917 года Вильсон направил Хауза запросить европейцев, как те смогли бы сформулировать цели войны, которые бы отражали провозглашенные американским президентом взгляды на мир без аннексий и контрибуций, на мир, охраняемый международным авторитетным органом. В течение ряда месяцев Вильсон воздерживался от пропаганды собственной точки зрения, поскольку, как он объяснял Хаузу, Франция и Италия могли бы выступить с возражениями, если Америка выскажет сомнения в справедливости их территориальных притязаний.

Наконец, 8 января 1918 года Вильсон приступил к самостоятельным действиям. Исключительно красноречиво и с огромным подъемом он выступил с изложением

американских целей войны на совместном заседании палат Конгресса, представив их в виде «Четырнадцать пунктов», разделенных на две части. Восемь пунктов он назвал «обязательными» в том смысле, что они непременно должны быть выполнены. Сюда вошли открытая дипломатия, свобода мореплавания, всеобщее разоружение, устранение торговых барьеров, беспристрастное разрешение колониальных споров, воссоздание Бельгии, вывод войск с русской территории и, в качестве венца творения, учреждение Лиги наций.

Остальные шесть пунктов, более конкретных, Вильсон представил, сопроводив их заявлением, что их скорее «следует», чем «надлежит» достигнуть, в основном потому, что, с его точки зрения, они не являются абсолютно обязательными. Удивительно, но возврат Франции Эльзас-Лотарингии попал в необязательную категорию, даже несмотря на то, что решимость возвратить этот регион питала французскую политику в течение полувека и повлекла за собой беспрецедентные жертвы в процессе войны. Прочими «желательными» целями были получение автономии для национальных меньшинств Австро-Венгерской и Османской империй, пересмотр границ Италии, вывод иностранных войск с Балкан, интернационализация Дарданелл и создание независимой Польши с выходом к морю. Неужели Вильсон намекал на то, что по этим шести пунктам мог быть достигнут компромисс? Выход Польши к морю и пересмотр границ Италии было бы трудно увязать с принципом самоопределения, и потому они с самого начала выпадали из моральной симметрии вильсоновского проекта.

Вильсон заключил свое обращение призывом к Германии — сделать все во имя умиротворения, в духе которого Америка подходит к строительству нового международного порядка, — хотя бы это и в корне расходилось с историческими целями войны. Если Германия встанет на этот путь, то ей обеспечена поддержка: «Мы не собираемся отказывать ей в достижениях, ученых заслугах или мирной предприимчивости, сделавших ее послушной список ярким и завидным. Мы не хотим наносить вред или ограничивать каким бы то ни было образом ее законное влияние и мощь. Мы не собираемся противостоять ей ни силой оружия, ни враждебными торговыми установлениями, если она готова ассоциироваться с нами и другими миролюбивыми нациями мира посредством справедливых договоров, законных и честных сделок. Мы лишь хотим, чтобы она заняла равное место среди народов мира...»

Еще никогда столь революционные цели не провозглашались со столь скупыми намеками на пути их достижения. Мир, который представлял себе Вильсон, должен был базироваться не на силе, а на принципах; не на интересе, а на праве — как для победителя, так и для побежденного; иными словами, происходил полнейший пересмотр исторического опыта и образа действий, свойственного великим державам. Символично и то, каким именно

образом Вильсон описывал свою и Америки роль в этой войне. Америка присоединилась, по словам Вильсона, с отвращением относившегося к слову «союзник», к «одной из сторон», как он предпочитал это называть, в одной из самых свирепых войн за всю историю, и Вильсон действовал, словно он главный посредник. Ибо Вильсон, похоже, стремился сказать, что война ведется не ради воплощения в жизнь каких-то особых условий, но ради того, чтобы породить у Германии определенное отношение к сложившейся ситуации. Так что война велась ради обращения, а не во имя геополитики.